
Глава 3.

1897 год

Я был назначен в Государственный контроль в конце декабря 1896 года. Третий Иванович Филиппов направил меня к генерал-контролеру Департамента гражданской отчетности Д. Е. Белаго, а последний — к старшему ревизору Яковлеву. Яковлев предложил мне основательно проштудировать правила счетоводства и отчетности и лишь после этого, недели через две, явиться на службу. Таким образом, служба моя в контроле началась с отпуска.

Трагическим оказался этот отпуск в личной моей жизни. В начале января 1897 г. скончался мой отец.

Тем не менее, в середине января я явился в контроль и вступил в исправление самой моей скучной в течение всей долгой служилой жизни должности младшего ревизора Департамента гражданской отчетности по ревизии расходов Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. Работа была отменно скучная. Не в виде анекдота, а в качестве правдивой справки упомяну, что пришлось много времени убить на переданное мне для окончания разросшееся в толстую папку во много сотен страниц дело «об 1 р. 13 к. убытка от боя стеклянной посуды». Это с одной стороны, а с другой — в порядке копания в архивах пришлось столкнуться с беспоследственно законченным производством, за миновавшей давностью, дела о миллионных хищениях в связи с поставками печальной памяти фирмы «Горвиц, Коган и К°» на действующую армию в турецкую войну 1877/78 г.¹ Держал в руках и прекращенное по докладу царю дело о миллионном начете на строительство Ташкентской ж<елезной> д<ороги> ген<ерала> Анненкова. Речь шла о перерасходе, будто бы неизбежном при исключительно трудных условиях данного сооружения. Но все было так в работе Государственного контроля того времени: мелочная одуряющая переписка о грошовых начетах, с доведением в таких случаях дела до конца, и сдаваемые в архив без взысканий и репрессий дела о крупном перерасходе или о воровстве, прекращаемые «за давностью» или «по докладу». Беспольный в делах о крупных недочетах и злоупотреблениях, жалкий *и смешной* в вопросах, подобных попавшемуся мне об 1 р. убытка от боя казенной посуды, тогдашний Государственный контроль проявлял уже определенно вредную деятельность в *делах*

средних, т. е. в численно преобладавших и рядовых делах текущего государственного строительства. Тут, чтобы только оправдать свое существование, контроль педантично и формально вмешивался во вся и во все, являясь помехою всяческих творческих начинаний, лишним препятствием к достижению поставленной цели, требующим для его преодоления затраты значительных усилий и труда. Жизнь, однако, выдвигает компромиссы. Подотчетные места выхлопывали себе предварительный фактический контроль, т. е. предварительную санкцию расходов, дававшуюся специально к ним командированными представителями контроля. Такие представители командировались к подотчетным учреждениям на их содержание. Последним они, естественно, дорожили. С другой стороны, за ними ухаживали. И устанавливалась комедия контроля. Штамп контроля на расход давался. И все устраивалось к лучшему в этом лучшем из миров. Но зачем при таких условиях было развивать значительную, какая имела место, экспансию контроля? Расход на его содержание как-никак составлял без малого 10 миллионов руб. Аппарат сам по себе был нужен, поскольку существование его служило началом, сдерживавшим недобросовестного расходчика. Но при данной обстановке аппарат мог бы быть до минимума сжат.

Скучным делом занимались и скучные, мелочные люди. Никого яркого, за исключением главы ведомства, я в этой среде не нашел. Чрезвычайно колоритный и своеобразно яркий Тертий Иванович Филиппов текущими ведомственными делами занимался мало. Заведование ими возложил на своего товарища, в ту пору В. П. Череванского, мужчину, известного образцовой постановкой контроля в Туркестане, а главное, своею замечательною бородою, точь-в-точь такою, какую подвизывали в «Руслане» чародею Черномору, отчего и Владимира Павловича называли то «Череванский», а то и «Черномор». С его мелочностью мне пришлось столкнуться лично в первые же дни моей службы в контроле. Оказывается, он был возмущен моим назначением сразу, без предварительного стажа в Контрольном ведомстве, на казавшуюся ему несоответственно для меня высокою должность младшего ревизора. Это на 2000 р. годового содержания, на должность простого субалтерна, непосредственно подчиненную старшему ревизору, т. е., в сущности, совершенно не ответственную, притом после четырех лет службы в должности ответственного секретаря в Финансовом ведомстве. Как-никак, Череванский назначения моего не одобрил и, по-видимому, возроптал Тертию Ивановичу. Последний меня вызвал и, не поясняя, в чем дело, просил представиться его товарищу. Череванский принял меня прилично. «Очень рад, — заявил он мне. — Но имейте в виду, что назначены на ответственную работу. Для нее нужна основательная подготовка. Не окажитесь в положении институтки, которая знает, что есть сливки и есть молоко. Но не знает, что из чего получается: сливки из молока или молоко из сливок». Я ответил, что рассчитываю разобраться в основах ревизионной работы и не оказаться в затруднительном положении институтки, о которой упомянул Череванский. — «В таком случае желаю успеха, желаю успеха», — заявил он, вставая, протягивая руку и этим давая понять, что «представление» мое окончено. Череванский меня развеселил, и я рассказал о его отеческом напутствии Сергею Филиппову. Тут только я узнал, что Череванский был моим назначением недоволен. «Плюнь, — пояснил Сергей, — это выпад не столько против тебя, сколько против отца. Череванский в последнее время что-то стал к отцу в оппозицию. Как бы ему, однако, шеи не сломать». Шеи он не сло-

мал, но с контролем Череванскому все же вскоре пришлось расстаться. Поводом опять-таки послужили его несогласия с Тертием Ивановичем по части назначений. В контроле особенно близким к Филиппову лицом был чиновник особых поручений, из старших, некто Алмазов. Долгою своею службою совершенно личного характера при Филиппове он стал по отношению к нему в такое положение, что Филиппов справедливо считал себя ему обязанным и захотел своевременно о нем позаботиться, заменив Алмазову службу при главе ведомства, покоившуюся главным образом на личных отношениях, более прочною должностью в кадрах Государственного контроля. По своему рангу (V класс должности) Алмазов мог претендовать на состоявшую в том же классе должность управляющего контрольною палатою в провинции, тем более, что и менее заметною и хуже оплачиваемую должностью в центре принято было вообще больше дорожить, чем более видною службою на местах. Третий Иванович назначил Алмазова управляющим контрольною палатою на открывшуюся вакансию в Кишинев. Череванский стал на дыбы. Как это? Из чиновников особых поручений? Без специального делового стажа в ревизорских должностях? Оппозицию проявил чрезмерную. Пересолил. И получил без предупреждения со стороны Тертия Ивановича указ о назначении в Сенат. Назначение весьма недурное для товарища государственного контролера и менее всего обидное. Но Череванский стал всюду кричать о нанесенной ему обиде, считая себя по форме состоявшегося назначения выброшенным из ведомства. Нашлись влияния, которые, не столько в дружбу Череванскому, сколько чтобы насолить Филиппову, добились назначения Череванского всего через несколько дней членом Государственного совета. Череванский на своей оппозиции выиграл. *А все-таки мелочный и скучный был человек.*

Выразившееся в поддержке Череванского отрицательное отношение к Филиппову со стороны некоторых влиятельных кругов мотивировалось не прощавшимися ему скромностью происхождения и перелицовкою из «красного» в молодые годы в реакционера и святошу перед перспективами карьеры². И, говорили, неясным представляется происхождение появившейся у Филиппова, по достижении высших должностей, крупной земельной собственности, доставшейся ему, между тем, совершенно легальным путем, частью унаследованной.

Религиозная настроенность проявлялась Тертием Ивановичем чрезвычайная. И лицо выработал он себе иконописное. И поступал соответственно. Припоминается по этому поводу один достаточно курьезный случай. Однажды, как снег на голову, сваливается ко мне некто Лебедев. Рекомендуются гимназическим товарищем одного из моих двоюродных братьев. Слышал от них, что я вхож к Филиппову. Лишился службы. Бедствует с семьей. Видит сон. Явился, будто бы, к нему с крестом в руке Третий Иванович. Говорит: «Иди за мной». *И исчезает.* Из провинциальной глуши Лебедев скачет ко мне в Петербург и просит о доведении его сна до сведения Тертия Ивановича. Самому Тертию Ивановичу поведать о сновидении Лебедева я воздержался. Но сыну его Сергею Тертиевичу о посещении «сновидца» рассказал. Лебедев был вызван в контроль и получил место.

Из другой области курьезов, творившихся Тертием Ивановичем. При встрече с георгиевским кавалером, здороваясь с ним, целовал его орден, красовавшийся на шее или в петличке. Этим каждый раз и каждого кавалера повергал в великое смятение. Еще особенность Тертия Ивановича. Афишировал крайнее нерасположение к Петру Великому.

Оригинальный был человек Тертый Иванович. Нельзя того же сказать о его сотрудниках. О Череванском упомянуто. Теперь о других. В большинстве они наводили тоску. Очень скучен был *милейший* генерал-контролер Д. Е. Белаго. Славный был у него помощник А. А. Горенко — верзила-хохол из бывших моряков, симпатичный, обходительный, но пороха не выдумавший. Этим единственно я могу себе объяснить, что при чрезвычайно живом темпераменте он не сбежал из контроля без оглядки. Впрочем, он был занят не столько убийственно скучною текущею ревизионною работою, сколько участием в качестве представителя контроля в многочисленных междуведомственных комиссиях. Мое непосредственное начальство старший ревизор Яковлев был умен, но сух до такой степени, что самого себя иссушил, вогнав в горловую чахотку. Приверженность к контролю этого, несомненно, неглупого человека приписываю исключительно его сухости, наводившей ту же тоску, которая веяла от большинства его сослуживцев^а. Счастливым среди них исключение представлял одноклассник мой по университету, бывший студентом другого факультета Н. Н. Кузнецов. Этот попал в контроль по семейной традиции. Она удержала и укрепила его на службе в этом ведомстве. Он был отменно интеллигентный человек, большого развития и солидного образования. Впоследствии, много лет спустя, жизнь свела меня с ним на ином поприще совместной работы...

Не одним, однако, ревизионным делом жил Государственный контроль времен Тертя Ивановича Филиппова. Жил он и широкою русскою песнею, которой его научил, которую собирал и которую побуждал своих чиновников петь выдающийся мастер и тонкий знаток песни Тертый Иванович. Иллюстрациею данных Тертя Ивановича в этой области служит замечательный рассказ, переданный мне упоминавшимся выше членом Государственного совета С. В. Марковым. Тертый Иванович, уже в должности государственного контролера, объезжал как-то контрольные учреждения по Волге. Попал в Казань. По своему высокому положению являлся, конечно, предметом особенного внимания со стороны местной администрации, всюду его сопровождавшей и следовавшей за каждым его шагом. Но с раннего утра в день, назначенный для отъезда Тертя Ивановича из Казани, он неожиданно для всех запропал. Пока хватились, прошло порядочно времени. Пропал государственный контролер. Шутка сказать. Стало известно, что он спозаранку укатил на Волгу, чтобы, переправившись через нее, сесть на поезд *на станции Зеленый Дол*. Власти вскачь полетели на берег Волги, *порядочно отстоящий от города*. Подъезжая, усмотрели на берегу *большую* толпу народа, из которой раздавалось стройное хоровое пение. Протиснулись и видят Тертя Ивановича в кругу поющих бурлаков дирижирующим их хором плавными жестами обеих рук, припевающим *втолголоса* собственным своим некогда богатым тенором. Оказалось, бурлаки пели не так, как следует. И Тертый Иванович тут же на волжском берегу наставлял их на правильную песню. Примкнули подошедшие грузчики. И образовался громадный импровизированный хор, поразивший слушателей стройностью исполнения.

В Петербурге Тертый Иванович образовал из своих чиновников выдающийся церковный хор, обслуживавший домовую церковь Государственного контроля на Мойке. Этот же хор пел светские песни, народные и лучших русских компо-

^а Далее в рукописи полстраницы текста заклеено.

зителей. Среди чиновников особых поручений имелись специалисты по соби- ранию песен. И командирова их по делам службы по России, Третий Иванович обязывал их попутным собиранием песен. Злые языки уверяли, что чиновники Третия Иванова никакими контрольными делами в поездках не занимаються, а за счет командировочных кредитов только и делают, что собирают песни. Это, конечно, было не совсем так. Но если бы оно так и было, то именно в этом заключалось бы наиболее целесообразное использование командировочных контрольных сумм. Песня росла и множилась во славу никем другим, кроме Третия Иванова, в ту пору не поддерживавшегося старинного русского вокального искусства. А мертвенные дела об 1 р. убытка от боя казенной посуды и им подобные прекрасно справлялись и местными органами контроля. Для подталкивания таких дел командировок не требовалось. Деньги на командировки бросались бы всуе. А тут за счет тех же средств, хотя и не по назначению, получалась польза непосредственная и немалая.

Третий Иванович был вообще выдающимся меценатом русской музыки. Достаточно основательно забыто, что в нужную минуту именно он поддержал и своими хлопотами довел до возможности осуществить большое дело талантливого творца великорусского оркестра В. В. Андреева. Помнится, как Андреев только начинал свою блестящую артистическую карьеру, выступая в первом балалаечном трио в «Аквариуме»³. Какое это было маленькое, хрупкое начало, как бы талантлива ни была игра исполнителей. Но сколько надо было преодолеть предвзятости, *сколько шумного* невежественного презрения к балалайке, пока дело оказалось достаточно оценено. И трудно сказать, как бы сложились обстоятельства, если бы не вмешательство Третия Иванова.

Но Третий Иванович умело выдвигал и других талантливых артистов. Многие известные певцы обязаны ему поддержкой при их первых, наиболее трудных шагах артистической карьеры, в их числе Ф. И. Шаляпин. Затем следуют не столь крупные имена — Мравиной, Яковлева, Майбороды, Морского и др. Всех не припомню, но знаю, что выдвинутых Третьим Ивановичем русских артистов было много. Названных же лиц у Третия Иванова я встречал. У него же встречал незабываемого артиста-рассказчика И. Ф. Горбунова, композитора Балакирева, известного пианиста Гофмана и др.

Помню я прекрасные артистические вечера Третия Иванова. Бывали вечера случайные. Но раз в год уже обязательно справлялся вечер 4-го января в день «сорока мучеников», на который приходились именины хозяина. Прекрасная казенная квартира государственного контролера на Мойке близ Синего моста пленяла чисто семейным уютом, чуждым всякой официальности. Чувствовали себя съехавшиеся к Третью Ивановичу гости *на редкость* свободно и непринужденно. Вечер *сразу* начинался с концерта выступавших солистов. Следовали рассказчики, потом Андреев с ансамблем избранных артистов великорусского оркестра. «Фавн», «Грезы», «Воспоминание о Гатчине» сменялись в чередупоительных мелодий. Повсюду велась оживленная беседа. Настроение было неизменно веселое и приподнятое. Ужинать садились в двух смежных залах, соединенных аркой. В одном за особым столом располагался хор Государственного контроля, и с места лилась чарующая песня. Помнится дивное исполнение серенады Апта «Ночь сошла на землю». Пел прекрасный тенор Крылов, одноклассник мой по Ярославской гимназии. А хор аккомпанировал. Оркестр челове-

ческих голосов и сольный богатый тенор создавали впечатление незабываемое. Пели и всевозможные застольные песни. Только наступившее утро разгоняло гостей. И не хотелось уходить в мглистые серые будни с яркого, насыщенного песнею праздника.

* * * * *

В ту же примерно пору несравненный художник-рассказчик Иван Федорович Горбунов привлекал (к сожалению, слишком редкими выступлениями) ценителей своего таланта в другой салон — приятеля артиста сенатора Александра Дмитриевича Свербеева.

Александр Дмитриевич, приходившийся мне дядюшкой в весьма отдаленной степени родства, к тому времени, когда обосновался в Петербурге, на Фурштадтской ул<ице>, был уже давно одинокий человек, покинутый женою, вышедшей замуж за бывшего императорского посла в Мадриде Шевича. Были у А. Д. от нее дети — сын и дочь, люди исключительно бесцветные. Но и они давно вышли из родительского дома, жили каждый своею жизнью в провинции и только изредка посещали отца⁴. Отсутствие семьи А. Д. восполнял экспансиею общественных отношений. Сам повсюду бывал. И всячески привлекал к себе родственников, друзей, просто знакомых и в большом количестве родственную и знакомую молодежь — молодых чиновников, офицеров, студентов, правоведов, пажей, юнкеров. К нему охотно собирались на его воскресные завтраки, четверговые обеды и почти ежедневную вечернюю чашку чая. Преобладала собственно молодежь, устроившая себе у добродушного А. Д. даровой веселый клуб, место встреч с друзьями, своего рода сходбище для сговора о дальнейших выступлениях в местах общественных увеселений. Распожаралась молодежь у А. Д. как у себя дома, заказывая блюда для следующих завтраков и обедов и истребляя в невероятном количестве подававшееся дешевенькое удельное вино. Посещали А. Д., однако, и солидные, видные люди, с крупным служебным и общественным положением, аристократические дамы, начинающие артисты. Создался салон, имевший и политический оттенок — солидный легитимизм, умеренная либеральность воззрений, выдержанный юмор в критике действий и лиц. Приносились и обсуждались все последние новости. В Петербурге в так называемом «обществе» мало кто не знал А. Д. и хотя <бы> раз у него не побывал. Его гостеприимство, его салон памятны и поныне⁵.

Все и вся по захватывающему интересу покрывали у А. Д. обеды с незабвенным Иваном Федоровичем Горбуновым. Это был сплошной, непрерываемый художественный рассказ. Иван Федорович начинал «рассказывать», еще снимая шубу в передней, куда мы гурьбою устремлялись ему навстречу, и тут же начинался неизменно аккомпанирующий горбуновские рассказы дружный, раскатистый смех. Рассказ продолжался и за закускою. Первая рюмка водки служила темою для эпических рассказов о русском пьянстве. Иллюстрировали их бесподобные жесты и мимика артиста: как он брал рюмку со стола, как любовно рассматривал содержимое на свет, как приподносил рюмку ко рту, как ее опрокидывал, проглатывал водку и какую изображал при этом красноречивую, полную содержания и юмора гримасу. Потом переходил на другие бытовые темы.

Горбуновских рассказов в письме и в печати не воспроизвести. Это не удалось и исключительному таланту А. Ф. Кони. Изданная им запись этих рассказов передает их крайне бледно⁶. Рассказы Горбунова нужно было слушать. Чтение без горбуновской мимики, интонации, высоко художественного воспроизведения разных голосов, даже звуков (напр<имер,> перезвон московских колоколов в известной горбуновской передаче) дает лишь слабое отражение горбуновского творчества. От закуски шли к обеденному столу, и рассказы широкою рекою лились до самого конца обеда. Уже кофе остывал в чашках, а Иван Федорович все не умолкал. Болели челюсти от смеха. Но хотелось слушать еще и еще, без конца. Рассказы оканчивались только когда захлопывалась парадная дверь за уходившим Горбуновым.

* * * * *

Насколько хорошо чувствовал я себя у Тертия Ивановича Филиппова в его домашней обстановке, обласканный и им, и его сыном, и неизменно любезно встречаемый невесткою Верою Мстиславовною, урожденною кн<язною> Голицыною, граф<инею> Остерман, — настолько мне нетерпимо скучно служилось в возглавлявшемся Тертием Ивановичем ведомстве.

Поэтому, когда в конце первого же года (1897) моей службы в Государственном контроле мне было сделано предложение перейти на службу в Министерство иностранных дел, я тотчас этим предложением воспользовался.